

Одиночество, воля... И память на всю жизнь

ПЕРВАЯ книга, которая потрясла меня, была довольно увесистая, в толстом картонном переплёте книга Даниеля Дефо «Робинзон Крузо» (полное название: **«Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего 28 лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами; написанные им самим»**).

СКОЛЬКО было мне тогда – точно не помню. В памяти лишь то, что после череды сказок, других детских книжек с картинками и без, эта заворожила, приковала к себе и вот уже по прошествии десятков лет после прочтения всё не отпускает.

Конечно, парусный корабль, шторм, кораблекрушение, необитаемый остров, необыкновенная ситуация, в которой оказался молодой путешественник, с последующими приключениями, – всё это вызвало большой интерес. Но было нечто и другое, более серьёзное, которое я осознал с годами, а тогда, в детстве, почувствовал подсознательно. «Робинзон Крузо» великая книга, прежде всего, потому, что без дидактики и

назидательства показывает, как с помощью своего интеллекта и воли выжить и вести достойную жизнь на богом забытом острове, оставаться полноценным человеком в, казалось бы, безвыходном положении. Книга эта – литературный гимн труду, каждодневной неустанной работе, осложнённой полнейшим одиночеством, когда тебе не поможет друг, не подскажет товарищ, вне коллектива, вне команды, один на один с собою.

Роман построен очень просто, фабула его незамысловата, язык лёгок и доходчив. Книга в дневниковой форме описывает жизнь человека на необитаемом острове, в одиночестве – день за днём, год за годом, на протяжении почти трёх десятков лет. Да и существование йоркского моряка на ограниченном пространстве без никаких интриг, без взаимоотношений с себе подобными – любви, ненависти, дружбы, вражды (двигателей всех сюжетов) – приключениями-то по большому счёту не назовёшь. Ведь после кораблекрушения, главного происшествия для героя романа, начинаются бесконечные будни, каждодневная работа по элементарному выживанию.

Тут-то вот Робинзон и завораживает читателя, заражает своей энергией, настойчивостью, силой воли. И мы вместе с ним строим жильё-крепость, обносим его частоколом, выдалбливаем из само-

го большого дерева на острове лодку, охотимся, разводим коз, сеем ячмень и рис, столярничаем, плетём корзины, то есть занимаемся и строительством, и земледелием, и скотоводством, и бытоустройством...

Кроме того Робинзон Крузо был и летописцем – вёл подробный, основательный дневник, а затем, по замыслу Дефо, и воссоздал своё пребывание на

острове в литературной форме, значит, был и писателем. Во второй половине своего пребывания на острове он проявил и свои бойцовские качества, когда вступил в схватку сначала с дикарями-людоедами, а затем – с пиратами, продемонстрировал педагогические способности (в отношениях с Пятницей), а главное, как теперь особо остро мною понимается, показал себя величайшим

демократом, опережающим своё время на столетия вперёд. Его равноправное, братское отношение к человеку другой расы и другого уровня интеллектуального развития могут послужить примером для многих современных общественно-политических деятелей.

Но главным успехом и примером для нас всех была победа Робинзона над одиночеством. Немало психологов и социологов, писателей и философов занимались этой непростой темой, ломали копыя над вопросами уединённости, отстранённости от общества, затворничества, заключения, социальной изоляции, жизни один на один с природой и с самим собой. Эта тема занимала Руссо, Гегеля, Шопенгауэра, Ницше, Эмерсона, Фрейда, Сартра, Хайдеггера... А американский писатель и мыслитель Генри Торо даже провёл эксперимент по уединению от общества – ушёл в глухие места на берегу Уолденского озера, построил там хижину и жил, обеспечивая себя минимально необходимым, о чём написал книгу «Уолден, или Жизнь в лесу». Но это после Робинзона, а до него?

Есть дюжина версий прототипов Робинзона Крузо, в том числе и сам Даниэль Дефо якобы был моделью своего литературного героя. Но если говорить не о прототипах, а о литературных произведениях, предшествовавших книге Дефо, то, прежде всего, надо вспомнить роман арабского писателя Ибн-Туфайля «Повесть о Хайе, сыне Яксана» (начало XII века), который был переведён сначала на латинский, а затем – почти на все европейские языки. В нём мальчик по имени Хай, что означает *живой, жизнеспособный* (как точно!), оказывается на необитаемом острове, вдали от людей, и, вскормлённый газелью, преодолевая все трудности среди зверей и дикой природы, успешно растёт физически и совершенствуется нравственно. История свидетельствует: роман этот имел влияние и на автора «Робинзона Крузо».

Такая предыстория. Но, заметьте, каких только предшественников не было у Гамлета (Шекспира), Дон Гуана (Пушкина)!.. Бродячих сюжетов море.

Но на мировой литературной арене выигрывают в итоге единицы. Среди них и мой «Робинзон Крузо» Даниеля Дефо.

Да, Робинзон победил одиночество. Но первоначально на необитаемом острове оно просто сокрушало моряка: «Все мои понятия изменились, мир казался теперь мне далёким и чуждым... Я смотрел на него такими глазами, какими, вероятно, мы смотрим на него с того света, то есть как на место, где я жил когда-то, но откуда ушёл навсегда».

Одиночество – не природная стихия, не хищный зверь, а враг невидимый, его объятия коварны и суровы, оно не наносит кровоточащих ран, но сжимает безжалостно. Порой до умопомрачения, до самоуничтожения. И Робинзон оказался сильнее этой напасти. Активная жизнедеятельность, постоянный труд, упорство спасли его.

Сила писателя Дефо в том, что читатель всегда оказывался как бы рядом с героем книги, отшельником поневоле, проникался его заботами, разделял все его тяготы и невзгоды и закалялся сам, воспитывал в себе силу воли. Подспудно, подсознательно.

Дело в том, что в одиночестве может оказаться любой. Даже не попадая на необитаемый остров или в иного рода заключение. Известны же разновидности понятия одиночества. Оно, это состояние, разным бывает – физическим, социальным, психологическим... И здесь побеждает тот, у кого, по словам Шопенгауэра, жизненный стержень находится в себе, а не во вне. Так-то, дорогой читатель! А где твой стержень, держит ли он тебя в житейские бури, есть ли в тебе силы учиться, трудиться, идти к намеченной цели самостоятельно? Или твой стержень где-то в толпе, и ты не можешь на долгое время оставаться наедине с самим собою, тебя постоянно тянет к друзьям, общению, к так называемым тусовкам...

Вообще, кто мы – индивидуумы, личности, наделённые самостоятельными качествами – интеллектом, характером, творческими дарованиями – или особи одного большого стада? Меня коробит

фраза «человек есть общественное животное». Хотя она и произнесена великим философом и говорит немного о другом, нежели наша тема, всё равно, не выверенная стилистически, она режет слух. О том, что человек становится человеком только в человеческом обществе, можно было бы сказать как-то иначе, не унижая общечеловеческого достоинства. Я долго смеялся, когда в уважаемом толковом словаре в графе «Индивидуум» прочёл пример к растолковываемому слову: «Следующее отделение свинарни был поросенок». Это настоящая лаборатория, в которой производились пристальные наблюдения за каждым индивидуумом». Из той же, в общем-то, оперы, что и предыдущий перл!

Задумываемся ли мы о своих внутренних качествах? Можем ли мы, воспитанные как социальный продукт, жить самостоятельно, без общественных подпорок, выбирать нестандартные формы бытия, обращать себе во благо нежелательные внешние ситуации, в том числе – одиночество. Пытаемся ли мы испытать, побороть себя? Да и без испытаний некоторые виды труда сами по себе требуют уединения – научная работа, изобразительное искусство, литературное творчество, обращения к Всевышнему во время молитвы, идейное затворничество... Но уединение и одиночество – разные вещи. Уединение – это проба океана носком одной ноги. А одиночество – зачастую проверка на излом. И Робинзон не сломался, не одичал на замкнутом пространстве, напротив – материально обустроился и духовно вырос. Показав пример нам, равнодушным, вдумчивым читателям, которые потом играли в Робинзона, а порой и не переставали исполнять роль в различного рода обстоятельствах – в соревнованиях на выживание, туристических походах, на рыбалке на каких-нибудь островах и даже при работе на своих дачных участках.

Книга увидела свет в апреле 1719 года. Так что ей через год исполнится

ровно 300 лет. Дефо принялся за неё и вообще за литературный труд на шестом десятке, забросив политику и журналистику, которыми занимался всю жизнь очень активно. Когда книга вышла из издательства, Даниэлю Дефо было уже 59. Успех получился ошеломляющим. Книга переведена на бесчисленное число языков. У неё появились последователи и подражатели, родилось целое литературное направление – «Робинзоада». Жан Жак Руссо назвал книгу «удачнейшим трактатом о естественном воспитании». Недаром она со временем перекечевала из взрослой литературы в детско-юношескую. В самом деле, пример Робинзона оказался выше любых философствований о пользе труда, здравомыслии, необходимости воли и упорства в достижении намеченного.

Сегодня все замечательные качества Робинзона и его автора радуют ещё тем, что когда-то совсем маленький читатель, пустившийся в плавание в море литературы, сделал правильный выбор своей Первой Книги, помогшей ему впоследствии познать большую, настоящую литературу и даже определить некоторые жизненные приоритеты.

Эту замечательную книгу выдали мне в казанской библиотеке на пересечении улиц Ершова и Абжалилова (дом-башня сталинских времён), в которую я в то далёкое время только-только записался. Она была отмечена в моём совершенно чистом читательском формуляре под первым номером.

Я тут же перелистал её. Что нужно юному читателю прежде всего? Конечно же, картинки. По ним он определяет, насколько ему будет интересно чтение. Рисунки, выполненные пером, с разъяснительными подписями-цитатами, как это делали книгоиздатели раньше, рассказали мне о кораблекрушении, показали островитянина в странных одеждах с ружьём и зонтом из шерсти над головой, его мирный труд, бои с неожиданными врагами, верного Пятницу – то у костра спасителя, то на охоте с ним... Я сразу запомнил имя художника-оформителя

книги – французского художника Жана Гранвиля. Текст романа с его чёрно-белыми рисунками и по сей день воспринимаются мною как единое целое. Среди множества изданий «Робинзона Крузо» сердцу моему близки те книги, где иллюстратором выступает именно он. И сейчас, когда пишу эту статью, передо мною книга в исполнении слаженного, на мой взгляд, тандема – писателя Даниеля Дефо и художника Жана Гранвиля.

Как, интересно, звали ту библиотекаршу, которая осчастливила меня на всю сознательную, читательскую жизнь? Её, наверное, в живых-то уж нет, как нет сегодня и той библиотеки в поныне здравствующей башне-сталинке над железнодорожным полотном, ныряющим в чёрную дыру тоннеля.

Я жил тогда на Достоевского, бывшей купеческой улице, в полчасе ходьбы от библиотеки. В тот день с книгой под мышкой я преодолел это расстояние за пять минут и, запыхавшийся, первым делом забежал к своему одинокому соседу, по профессии астроному, большому любителю литературы, истории и фанату внеземных цивилизаций.

Он обитал среди стеллажей книг от пола до самого потолка своеобразным Робинзоном в нашем многосемейном коммунальном доме. Мальчишка и учёный муж, мы странным образом дружили. Я часами засиживался у него, слушая интересные рассказы и листая дореволюционные, представьте себе, журналы «Огонёк», «Мурзилка», книги с картонными страницами о Незнайке и его друзьях...

С порога я показал ему взятого из библиотеки «Робинзона Крузо». Он с большим интересом пролистал книгу и сказал, что в библиотеке я сделал для себя прекрасный выбор. Потом достал с полки потёртый, древний фолиант и протянул мне. Я взвесил на ладони

объёмистую книжищу, раскрыл... Это был «Робинзон Крузо», изданный ещё в XIX веке. Его плотные, пожелтевшие страницы заполнял дореволюционный, трудно воспринимаемый крупный шрифт, каждая глава брала начало с узорчатой буквы, а иллюстрации... – да, Жана Гранвиля!

За два дня мы прочли роман. Я – своё издание, с современными буквами, в пересказе Корнея Чуковского; он, не знаю, в который раз – своё (не могу сказать в чьём переводе). Для моего звездочёта одинокий остров в океане был, наверное, как далёкая необитаемая планета, которую должен освоить человек. У меня были другие впечатления. Их трудно передать и позабыть одновременно.

С годами в библиотеке моего почтенного друга я привык и к «ятям», и «ижицам». С этими буквами читал я у него Пушкина, Толстого, «Историю» Соловьёва, стихи Надсона, Библию, Коран, словарь Брокгауза и Ефрона и многое другое. Его обширная библиотека, с рельефными корешками и устойчивым духом столетий, была для меня наиважнейшей. Наряду с крупными, государственным, какими пользовался всю жизнь.

Соседа звали Сергей Николаевич Корытников. В моей книге «Шейх и Звездочёт» он прошёл под именем Николай Сергеевич Новиков. Поскольку СНГ (так он подписывал свои книги) был одинок, библиотека после его смерти перешла по наследству ко мне. Часть её я передал в Астрономическую обсерваторию Энгельгардта, где он работал, часть роздал его друзьям, а часть оставил себе. К сожалению, то самое издание «Робинзона», которое он в тот памятный день достал с полки и со мной за компанию листал и перечитывал, впоследствии я так и не обнаружил.

